

Кира Измайлова
Путеводная нить

Кира Измайлова

Путеводная нить (сборник)

«Кира Измайлова»

2015

Измайлова К. А.

Путеводная нить (сборник) / К. А. Измайлова — «Кира Измайлова», 2015

Тянется через века путеводная нить, ведет через полный тайн лабиринт, в котором живет чудовище. Но чудовище ли? И герой ли тот, кто хочет убить его? Быть может, лучше спросить об этом сестру Минотавра? Мечтала ли Персефона избавиться от власти Аида? Кто на самом деле правил Итакой? А что поделывает в наши дни перевозчик душ Харон?..

© Измайлова К. А., 2015

© Кира Измайлова, 2015

Содержание

Путеводная нить	5
Быть человеком	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кира Измайлова

Путеводная нить (сборник)

Путеводная нить

У Ариадны тонкие пальцы, и нить легко бежит в них, тоже тонкая, как паутинка, ровная и очень, очень прочная. Даже у Клото не получается настолько хорошая пряжа: все жизненные нити с узелками, перекручены, перепутаны...

Завтра придет новый корабль с жертвами. Завтра их уведут в лабиринт, откуда они не выйдут.

Завтра она увидит брата.

Конечно, Ариадна и так видит его почти каждый день, когда приносит ему то свежей зелени полакомиться, то новые свечи, то украденные у отца свитки. Потом, конечно, она возвращает их на место, брат читает очень быстро, и он очень умен.

Вот только он, хоть и силен, но совершенно незащищен: оружия у него нет. Украсть его, как книги, Ариадна не в состоянии, а тех, кто идет в лабиринт, обыскивают, чтобы не пронесли даже ножа, не то можно было бы подобрать чей-то доспех... От двоих-троих брат отбиться может, сила позволяет, теснота коридоров ему помогает, там не зайти со спины, да вот только он не умеет драться. А научить его Ариадна не может, потому что она, девушка, только видела, как занимаются с наставниками мальчики, но этого недостаточно.

Она хорошо помнит, как впервые вошла в лабиринт. Ей было совсем мало лет, она сбежала от служанки и решила посмотреть, что вокруг интересного. Ко входу в лабиринт ей даже подходить запрещалось, но запретное всегда манит, и Ариадна шагнула под сумрачные своды. Тут было прохладно и темно, не то что снаружи, где палило летнее солнце, и девочка сразу решила, что будет прятаться тут от жары. Однако любопытство гнало ее вперед, и она пошла... но быстро спохватилась, поняв, что не может запомнить, где именно свернула. Ума ей было не занимать, она живо вернулась, подобрала пряжу (из-за этого урока она, собственно, и сбежала, Ариадна ненавидела прясть), зацепила нитку за ветку у входа и пошла обратно, разматывая ее. Хватило ненадолго, пришлось вернуться, но узнать, что там в лабиринте, Ариадна хотела по-прежнему.

С той поры наставницы нахвалиться на нее не могли: девочка взялась за ум, а уж как научилась прясть! Нить у нее выходила ровная и прочная, без обрывов... Ариадна быстро поняла, чем ей грозит оборвавшаяся нить, когда заблудилась однажды в лабиринте и чуть не умерла от страха, отыскивая путь. Светильника у нее не было, только огарок свечи, и только когда он догорел, она увидела вдруг на камнях оборванную нить.

После этого она стала ходить в лабиринт без огня: казалось сперва, что там очень темно, но на самом деле свет откуда-то просачивался, а может, глаза привыкли к этому мраку. Свечу и огниво Ариадна с собою все же брала, мало ли...

А еще приучилась вышивать. У нее получалось скверно, и она не хотела объяснять наставнице и матери, что за узор такой пытается вышить, но сама-то знала – это схема лабиринта. Дело продвигалось медленно, там было много закоулков, а уйти надолго и запомнить много сразу Ариадна не могла. Вот и вышивка показывала пока только самый краешек этого странного места.

До сердцевины его, в котором, по слухам, обитал монстр, оставался еще год.

* * *

Ариадне было страшно, этого она не отрицала, но и любопытно тоже. Сколько ни блуждала она по лабиринту, ни разу не слышала ни шагов (а звук тут разносился далеко), ни других звуков, не видела никаких следов обитания чудовища (уж если наступила бы, так заметила бы, наверно?). Может, его и вовсе нет, думала она порой, это просто лабиринт, а присланные пленники тут плутают, у них же нет прочной, длинной нити, они не знают поворотов, вот и умирают от голода... А потом слуги выносят их тайком, у отца-то наверняка есть план лабиринта! А может, их вообще сюда не водят, а продают: в порту всегда полно работоторговцев!

Задумавшись, она наступила на что-то теплое, мягкое, вскрикнула и упала бы, не удержи ее кто-то неизвестный.

– Кто ты? – произнес он шепотом. От него пахло шерстью и еще чем-то непонятным.

– Ариадна, царевна, – тоже шепотом ответила она, силясь разглядеть собеседника. – Дочь царя Миноса и Пасифаи. А ты?

Он осторожно поставил ее наземь.

– Твой брат, – сказал он. – Нет! Если у тебя с собой свеча или факел, не зажигай огня! Не смотри на меня...

– У меня нет брата, – удивленно сказал Ариадна. – Я никогда не слышала, чтобы... И ты большой, ты старше меня, это точно... Почему же ты здесь?

– Не говори со мной.

– Но почему?! Я хочу знать, каков мой брат, если ты правда он! – топнула ногой девочка, вынула из своей самодельной котомки огниво и привычно зажгла свечу. – Ой...

У него были большие темные глаза, широкий нос, большие уши и курчавая челка. Рожки едва пробивались.

– Я же сказал... – страдальчески произнес он.

– Какой ты милый! – выпалила Ариадна. – А почему ты такой?

– Такова воля богов, – ответил он. – Я сын божественного быка и Пасифаи... прости, я не хочу называть ее матерью.

– Мама?... Ой... Но тогда выходит, это ты – чудовищный Минотавр, который живет в лабиринте и которому приносят жертвы?

– Я. Не бойся. Я не питаюсь людьми, – он лег на какую-то вытертую шкуру. От него по-прежнему пахло зверем, но не неприятно, Ариадна бывала на конюшне и в коровнике, разницы не уловила. – Мне не приносят ничего, кроме сена... А называли меня Астерием.

– Так ты здесь... вообще один? – Она присела рядом на корточки. – Всегда-всегда?

– Говорить меня научили, как видишь, – ответил он. – А потом...

Ариадна не выдержала и погладила жесткую челку на его лбу.

– Но за что? – спросила она. – Если ты говоришь, приносят тебе только сено? А куда же деваются те люди? Я вот подумала, их продают в рабство. В порту столько кораблей!

– Может быть, – ответил Астерий и добавил: – Я видел море всего раз или два, издалека.

– Так давай сходим поглядим! – вскочила Ариадна. – Пойдем! Или ты выхода не знаешь? Так вот у меня клубок...

– Мне нельзя выходить. Ты же видишь, что я не человек.

– А мы ночью сходим, – беспечно сказала она. – Ну пойдем! Я сумею сбежать, я знаю, как, а тут уж точно не заблужусь, даже вслепую и без нити!

– А зачем? – спросил он.

– Знаешь, как я всегда хотела, чтобы у меня был брат? Я маму просила-просила, а она только отворачивается... А брат, оказывается, есть уже! И совсем взрослый! Ну пойдем!

– Я боюсь, – тихо сказал Астерий. – Я давно не бывал... снаружи. Если кто увидит чудовище...

– А я пеплос у служанки возьму, ты на голову накинешь, закутаешься, как будто это ты меня провожаешь, мало ли куда, – живо предложила Ариадна и, принявшись, добавила: – Заодно и искупаешься. Не бойся!

– Хорошо, – после паузы произнес он. – Но как ты сможешь уйти после полуночи? Раньше опасно...

– Я сумею! Ой... – осеклась девочка. – Тебе, может, принести чего-нибудь? Ты сказал – сено, но это разве жизнь? Может, хоть сыру или оливок, ты это ешь?

– Я не знаю, – усмехнулся он.

– Тогда принесу, – твердо произнесла Ариадна. – И свечи. У тебя очень темно. Ой, а читать ты умеешь?

– Нет.

– Я тоже еще не очень хорошо выучилась. Тогда я к тебе буду приходить, тебя научу, а сама повторять стану. У отца свитков – целая комната, ужасно интересно, что в них такое! И тебе тогда не так скучно будет!

Жуткий монстр из лабиринта смотрел на нее темными глазами – по шерсти текли слезы.

– Я пойду, – сказала Ариадна и снова погладила его по жесткой челке. – Только не знаю, удастся ли убежать именно сегодня. Но если не сегодня, тогда завтра. Или послезавтра. Я обязательно приду, ты жди!

– Я буду ждать, – сказал он и уставился на огонек догорающей свечи.

Далеко в лабиринте слышны были шаги детских ног.

Шаги его сестры.

* * *

Тем вечером она рано улеглась спать, успела даже вздремнуть вполглаза, а когда служанка мирно засопела, потихоньку встала, оделась сама, захватила пеплос служанки, потом прокралась на кухню и набрала всякой всячины – и хлеба, и оливок, и сыра, и даже мяса. Взяла понемногу: слышала, как-то отец говорил, если голодный сразу съест много, то может умереть. Ариадна совсем не желала, чтобы ее брат умер.

– Астерий! – позвала она, стоя у входа. – Выходи! Там нить, я ее не сматывала!

Ариадна решила, что так будет быстрее, чем если она пойдет внутрь, а потом они выйдут вдвоем.

Пришлось подождать, но наконец рогатая голова показалась у выхода, и Ариадна тут же набросила на брата пеплос.

– Давай, прикройся, – сказала она. – Да не так... Вот! Теперь вылитая служанка. Идем скорей!

– Нет... не могу... страшно, – произнес он, запрокинув голову. – Такое огромное небо, и вокруг пусто... Лучше я вернусь.

– До моря всего ничего. Я буду держать тебя за руку, – серьезно сказала Ариадна. – Не бойся. Я с тобой.

И чудовище из лабиринта несмело шагнуло вперед, держась за руку маленькой девочки.

* * *

Она с ним уже десять лет, но до сих пор помнит ту ночь, когда они сидели на берегу, понемножку отщипывали то от хлебной горбушки, то бросали в рот оливки (Астерий говорил, что никогда в жизни не ел ничего вкуснее), смотрели на звездное небо и полную луну...

Ариадне все равно, рога на голове у ее брата или корона. Она всегда молчит: узнала уже, откуда взялся Астерий, для этого даже расспрашивать не надо, слухом земля полнится. Взялся и взялся, а вот за все остальное она начинает ненавидеть отца. Когда Астерий был совсем юн, тех пленных до него не допускали, возможно, Минос еще на что-то надеялся, может быть, что боги вернут юноше человеческий облик, но увы...

А тем временем Астерий сделался силен и могуч: Ариадна не умела сражаться, но объяснила, как упражняются отцовские воины, ну а поскольку заняться ему было особенно нечем, не станешь же читать сутками напролет... словом теперь он легко поднимал сестру одной рукой и усаживал себе на плечо. Ей было удобно придерживаться за изогнутый рог, когда они отправлялись на ночную прогулку.

Только жертвы теперь были уже не те, которых продавали в рабство. Это были сильные воины, и среди девушек тоже попадались настоящие амазонки. Они не пугались, плутая в темноте лабиринта, и в первый такой раз Астерий едва не погиб, Ариадна потом несколько дней перевязывала ему раны.

Сила силой, но он не любил сражаться и пытался оставить противников в живых. Только их на этот раз обыскали небрежно, и у юношей оказались кинжалы...

– Отец решил убить тебя, – сказала ему Ариадна, глядя по тяжелой голове. – Я это поняла. Но я этого не допущу.

– Но как? Они ведь придут снова... – Астерий тяжело вздохнул, ткнувшись прохладным бычьим носом сестре в руку. – Я не могу так больше. Устал... Прекрати это, прошу!

– О чем ты?

– У тебя есть нож. Не хочешь сама – оставь его мне, я сумею...

– Нет, – Ариадна отстранилась и встала. – Ты мой единственный брат. Мы с тобой чем только по ночам не занимались, кому я приводила...

– Вот об этом могла бы не напоминать...

– Что тут такого? Ты мужчина и бык одновременно, не мучиться же... У нас вон во дворце все так и шмыгают туда-сюда.

– А ты? – спросил Астерий. – У тебя уже есть жених? Ты никогда не говоришь об этом.

– Нет. Но, должно быть, отец найдет кого-то. И, – добавила она, сощурившись, – скорее всего, это будет тот, кто тебя победит. А значит, я никогда не выйду замуж, потому что, брат мой, ты мне дороже какого-то жениха. А когда отец умрет, править будешь ты. Ты ведь достаточно умен, не так ли?

– Не имею представления, – вздохнул он. – Книжную премудрость я усвоил, а вот сражаться не умею.

– На это есть воины, – оборвала Ариадна.

– И ты.

– И я, – она почесала брата у основания рога.

Лабиринт был полон опасностей. Идти туда с факелами воины опасались, чтобы не привлечь внимания чудовища, а в темноте...

Ариадна пряла так, что ей позавидовала бы Арахна, лабиринт знала как свои пять пальцев, поэтому натянуть веревочку, чтобы гость споткнулся, сделать паутинку, чтобы запутался, ей ничего не стоило. С силой Астерия устроить и другие ловушки, о которых они вычитали в краденых свитках, было очень просто: то камень падал кому-то на голову, то еще что... Падаль только выносить было противно.

Но в этот раз, кажется, удача оказалась не на их стороне...

* * *

– Он доказал отцу, что происходит от самого Конегривого, – шепчет Ариадна, обняв брата, – и завтра он придет в лабиринт. Это он.

– Кто – он?

– Мой жених.

Воцаряется молчание.

– Тогда я не стану сопротивляться, – говорит Астерий немного погодя. – Ну разве что для виду. Я тебя слишком люблю.

– Дурень, бычья твоя башка! – Ариадна бьет его по лбу, ушибив руку, и чуть не плачет – Это отец сказал: если он победит тебя, то сможет взять меня в жены, меня никто не спрашивал!

– Но он же победит... – тоскливо говорит Астерий. – Ты сама сказала: он потомок Конегривого, он силен и умел, а я даже меч в руке никогда не держал. Неправда, держал, но сражаться не умею.

– Он не победит, – подумав, отвечает девушка. – Меня возьмешь в жены ты. И мы уйдем отсюда. Пусть тут правит, кто захочет!

– Ты же сестра моя!

– Боги милосердные! Не обязательно же нам с тобой... А в далеких краях кому какое дело, замужем ли я или нет?

– Я не понимаю, что ты задумала, – сознается Астерий.

– Завтра узнаешь, – говорит Ариадна. – Ты только сделай вот что: нужна большая ниша в стене, сможешь выломать, а потом заложить?

– Конечно.

– Тогда сделай это, а потом уходи на другой край лабиринта. И не выходи, пока я не позову. И не бойся, – она гладит брата по щеке. – Мы найдем место, где сможем жить спокойно. И ты наконец-то увидишь солнце. А может, у тебя еще...

– Да хватит уже напоминать! – Астерий, набычившись, одним движением рога выворачивает камень из кладки. – Этого мало?

– Мало, – кивает Ариадна. – Там должен поместиться человек. Мне пора, а ты трудись...

* * *

– Чудовище опасно, – говорит Минос, а придворные кивают.

Ариадна, надевшая лучший свой наряд, во все глаза смотрит на героя. Герой со вчерашнего вечера не может отвести от нее взгляда. Все-таки царевна диво как хороша, а еще она дала ему ценный совет...

«Иди, – думает она, – иди же!»

– Берегись, герой! – напутствует царь, и юноша устремляется в лабиринт. Все знают, что выхода оттуда нет, поэтому расходятся по домам. Если он не вернется до утра, то, значит, Минотавр победил и этого юнца...

Ариадна чинно высиживает положенное время за прялкой, потом якобы ложится спать, но только засыпают служанки – мигом убегает прочь. Ее ждет брат.

Без путеводной нити Тезей далеко не уйдет, а уйдет, так не вернется, знает она, а рисовать знаки на стенах смысла нет, факел скоро погаснет, и будет герой блуждать в темноте... пока не дойдет до сердца лабиринта. Это ей ничего не стоит миновать все эти развилки и повороты, но он-то здесь впервые! Это если отец не дал ему карту, думает она и спешит изо всех сил...

Нет, он все еще блуждает, понимает она, расслышав шаги. Вот он, за поворотом, если судить по звуку, останавливается, озирается...

И вот тогда она набрасывает ему на шею прочнейший шнурок из собственной пряжи.

Ариадна сильна для девушки, но Тезей куда сильнее, он вырывается, пусть она застала его врасплох, и силы у нее на исходе... Но тут шнурок перехватывают руки брата и одним движением завершают начатое.

– Бери его, идем, – говорит Ариадна, удостоверившись, что Тезей мертв. – Ниша готова?

– Конечно. Но что ты хочешь...

– Узнаешь. Не выйдет – умрем вместе.

– Я не хочу, чтобы ты умерла!

– А я не хочу, чтобы умер ты. Идем!

* * *

На рассвете из лабиринта выходят двое. Она – прекрасная царевна Ариадна – несет в руке наполовину размотанный клубок своей лучшей пряжи. Он – щурится на солнце и опускает голову, стыдясь уродства.

– Это было заклятье, – говорит Ариадна и обнимает чудовище. – Когда Тезей сразил Минотавра, заклятье перешло на него... Ужасен гнев богов! Но, отец, я полюбила его, и если даже теперь он таков... я все равно хочу быть с ним! Ты обещал!

– Минотавр мертв? – сурово спрашивает Минос, а супруга его прячет лицо. Уж она-то может отличить Тезея от Астерия, пусть и не видела сына много лет.

– Минотавр мертв, – твердо отвечает дочь, не выпуская руки чудовища. – Мы должны уехать отсюда, отец. Быть может, заклятие еще можно снять!

– Благословляю... – помолчав, произносит он.

– Спасибо, отец...

– Приданое, живо, – командует служанкам Пасифая и смотрит на дочь. У Ариадны жесткий взгляд, того и гляди, отберет у «Тезея» меч, который он явно не умеет держать, и будет прорываться к кораблю сама. Она сможет. – Прощай, милая...

– Быть может, до встречи, мама, – говорит она и улыбается.

Еще немного – и корабль под черным парусом уходит в море...

– Что мы будем делать дальше? – спрашивает Астерий, не выпуская сестру из объятий. Ему очень страшно, он никогда не был в море, ну а матросы пусть думают, будто Тезея снедает любовь!

– Мы будем править в Афинах, я полагаю, – говорит Ариадна и улыбается. – Прикажи не менять паруса. Ни за что. А лучше сбрось белый парус в море...

Быть человеком

Был он прекрасен лицом и телом, и умел вести беседу. А еще – он единственный из всех в нашем царстве не знал, что я колдунья, равно как не слышал и о том, кому прихожусь я внучкой и племянницей, иначе бы и словом со мной не перемолвился. Но он не знал, а с ним говорили немного. Я же подумала, что такой человек может стать мне мужем, потому и встретила его поздно вечером в саду, и рассказала, что за испытание приготовил ему мой отец.

– Благодарю тебя, о прекраснейшая, – сказал он, а я вздрогнула, потому что такими словами разбрасываться не стоило, но тут он благоразумно добавил: – Прекраснейшая из смертных.

– Ты все запомнил верно? – спросила я. – Повтори.

– Да. Со свирепыми волами я справлюсь, раз ты говоришь, что твои травы их успокоят. Затем засею поле, а как только явятся воины, я должен бросить в середину строя камень, а потом они сами все сделают за меня... Как мне отблагодарить тебя, царевна?

– погоди, – ответила я. – Отец приготовил для тебя не одно испытание. Это лишь первое, и если ты хочешь получить золотое руно, слушай меня!

Ясон кивнул.

Он выполнил мой наказ, и когда зубы дракона дали всходы, не оплошал. Я смотрела на битву из ближней рощи, и мне было не по себе. Я прежде никогда не видала вблизи схватки насмерть, не потешного поединка, не тренировки, а такого... когда рубятся насмерть, не глядя, кто подвернулся под меч!

Кровь в тот день щедро пропитала вспаханное поле, и я не знала, что вырастет на нем на будущий год. И вырастет ли вообще.

Когда Ясон ушел, решила возвращаться и я. Осторожно шагая меж окровавленных тел, я глядела на остановившиеся безумные глаза, ощеренные зубы, искривленные гримасами ярости лица и думала, верно ли поступила. Может быть, этим... не люди ведь они! Может, им и не стоило являться в этот мир, чтобы умереть почти сразу? Они ведь ни в чем не виноваты, у них нет даже прошлого – взрослыми появившись на свет, они погибли, не взглянув даже вокруг! А не случись междоусобицы – и ведь это я подсказала способ! – кто-то остался бы жив, но что делал бы тогда этот отряд?

Я стояла посреди поля, засеянного уже не зубами дракона – мертвыми телами, – и потерянно озиралась. Я знаю, боги бывают жестоки, они могут наказать безумием, могут убить, но ведь тому предшествует проступок, пусть безобидный с точки зрения смертного, но достойный кары с точки зрения небожителей.

– Простите меня, – сказала я мертвым. Люди или нет, убила их я. Не Ясон, не брошенный им камень, именно я. – Простите. У вас нет имен, я не знаю, за кого просить богов, но я попрошу за всех вас. Владычица моя не откажет.

Я шагнула, чтобы уйти прочь, споткнулась обо что-то и вдруг услышала стон.

Он был еще жив, средних лет мужчина, как бы не ровесник моему отцу. Должно быть, умелый воин: достать копьями его смогли только втроем, а то и впятером: кажется, два удара он отбил щитом, один мечом, но еще два острия все же пронзили его...

Он открыл глаза, когда я склонилась к нему.

– Ты богиня? – услышала я шепот.

Я покачала головой и ответила:

– Нет, простая колдунья. Потерпи.

Опасаясь, что Ясона все же ранят обезумевшие воины, я захватила с собою немало снадобий и ткани для перевязки. Знала бы я, на что употреблю все это!

Воин этот потерял много крови, но хоть раны я ему перевязала, а в зельях всегда знала толк. Он был так тяжел, что сдвинуть его с места я не могла, как ни старалась.

– Что случилось здесь, добрая девушка? – спросил он, напившись из моей фляги. – С кем мы сражались? Я не помню... Быть может, меня ударили по голове? Слыхал, от такого теряют память.

– А ты можешь рассказать, что было прежде?

– Нет, – подумав, ответил он. – Все так смутно... кажется, у меня были братья, мы стояли в одном строю, но я не помню ни лиц их, ни имен. Своего имени я не помню тоже, – добавил мужчина, помолчав, потом огляделся и добавил: – Лица я теперь вижу, но не знаю, кто есть кто. А как зовут тебя?

– Медея, дочь Ээта, царя Колхиды, – ответила я.

– Что же ты делаешь на поле боя, царевна? – он недоуменно взглянул на меня. – Где твои служанки, где телохранители? Неужто ты пришла одна?

– Да, – ответила я. – Попробуй встать. Нужно уйти отсюда, потому как если тебя найдут...

С третьей попытки он поднялся на ноги, опираясь на чье-то копьё, быть может, то самое, что распоролу ему бедро или бок. Повязки набухали кровью, но пока я ничем не могла помочь: по пути рана все равно вскрыется, а лучше уж кровь, чем гной.

Я отвела его в ближний лес, был у меня там в овраге заветный куст бузины, под которым никого не увидишь, не подойдя вплотную, ну а от собак, чтобы не унюхали кровь, у меня средство имелось.

Сменив повязки, я спрятала окровавленную материю и снова спросила:

– Ты так и не вспомнил своего имени?

– Нет, – ответил он. – Прошное куда-то исчезло. Я будто был в забытии, а очнулся на этом поле, и кто-то напал на меня, а я ответил... Вот и все. Я не знаю, кто я.

– Тогда я стану покамест называть тебя Ксеносом, – произнесла я. – Побудь тут. Вот фляга, там еще есть вода. Я приду, как только смогу. И прошу, не пытайся уйти, здесь тебя никто не найдет, если не станешь шуметь, а снаружи живо выследят!

– Мало я накрошил по дороге, – усмехнулся он.

– Я колдунья, – напомнила я. – Не бойся. Я скоро вернусь.

Увы, вернуться мне удалось не скоро: пока готовили пир, пока чествовали Ясона-победителя... Улизнуть мне не удавалось, герой не сводил с меня глаз, а я делала вид, будто смущаюсь. Только я понимала: герою не терпится узнать, что еще придумал мой отец, а я, хоть и знала наверняка, решила помалкивать до поры до времени.

Только поздним вечером удалось мне выбраться из дворца. В темноте я не плутаю, поэтому живо добралась до своего убежища.

Ксенос спал, тихо постанывая, но жара у него не было, и умирать он не собирался. В ближайшие лет двадцать так уж точно: умирающие не просыпаются, почуяв запах копченого окорока. Я прихватила еще козьего сыра, оливок, лепешек с пылу с жару, немного вина и много – воды, потому что, повторяюсь, крови он потерял предостаточно.

Странно было смотреть на то, как он ест: будто никогда не видел ни хлеба, ни сыра. Мясо – дело другое, а прочее явно оказалось ему в диковинку. От вина Ксенос отказался, едва понюхав. Сказал, что-то смутное мелькает на границе памяти, вино ему пить опасно, а почему и для кого именно опасно – для него самого или окружающих, – он не знает. Я согласилась, что рисковать не стоит, и забрала флягу с собой. Предупредив, что назавтра я снова приду ближе к ночи, если не выйдет днем, я хотела было встать, но тут Ксенос вдруг спросил, ощупывая свое лицо:

– Царевна, а каков я на вид? Я не помню. Пытался разглядеть отражение в своем шлеме, да оно так кривится, что ничего не разобрать! А клинок слишком узкий, только и рассмотрел, что глаза вроде бы не темные.

– Глаза у тебя, кажется, цвета моря, – сказала я. – Как у меня. Сейчас и я не разгляжу наверняка, слишком темно, а огня зажигать я не хочу. А лицо у тебя... как опишешь? Обычное мужское лицо, только борода уж больно космата.

– Мне кажется, прежде я не носил бороды, – задумчиво произнес Ксенос. – Или это память о юности?

– Хочешь, так сбрей, – пожала я плечами. – Поглядим, каков ты без нее. Бритву я тебе добуду.

– А правда, – неожиданно улыбнулся он, – а если не понравится, так она ведь снова отрастет, долго ли?

Назавтра, снова придя в потаенный овраг, я с удивлением поняла, что раны у Ксеноса заживают с необычайной скоростью: он уже мог подняться на ноги безо всякой помощи и почти не хромал. Я принесла ему чистую одежду взамен изорванной и окровавленной и показала, где протекает бурный ручей.

Когда Ксенос отмылся, сбрил бороду и переоделся, ясно стало, что ему, должно быть, немногим больше тридцати, а может, и меньше. Уж всяко он казался не старше героя нашего, Ясона-аргонавта! Был он не особенно красив, но и не уродлив. Как я сказала тогда – обычное лицо, мужественное, ну да это неудивительно. Темные волосы завивались от влаги, и в них мелькала седина. Ну а с глазами я тоже угадала – изменчивые, как море, то серые, то синие, то вроде бы и зеленоватые...

– Что же мне делать теперь, царевна? – спросил он, когда мы вернулись в овраг, и я развернула перед ним узелок с припасами. Ел Ксенос порядочно, как и полагается воину. – Ведь я не помню даже самого себя! Быть может, попроситься на службу к твоему отцу? Сражаться я умею, иначе почему я единственный выжил на том поле?

– Ты уже на службе, – ответила я, – у меня. Но во дворец тебе хода нет. Подожди, пусть твои раны совсем заживут, а я покамест кое-что обдумаю...

– Но что мне говорить, если вдруг кто-то наткнется на меня? Кто я? Что я здесь делаю с оружием?

– Так ты спрячь пока копье да меч, доспехи и шлем со щитом, конечно, а кинжалом тут никого не удивишь, – улыбнулась я. – Мало ли, куда и откуда ты идешь, путников тут хватает. Устал вот да прилег подремать! И все равно мало кто ходит в эту рощу, а в овраг и вовсе не сунутся: все знают, я собираю тут одной мне ведомые травы, и мешать мне опасно.

Это я придумала давно. В самом-то деле травам все равно, кто их собирает, главное, знать, когда это делать: весной или в середине лета, на убывающую луну или на растущую, утром или ближе к ночи, – а потом правильно приготовить. На это и деревенская знахарка способна, я многому научилась у таких старушек... Однако целебных и ядовитых трав – мириады, и вряд ли придворные моего отца в состоянии упомнить, когда я собираю соцветия ромашки, а когда – тысячелистник, не говоря уж о куда менее заметных и известных растениях.

Все уж привыкли, что я порой исчезаю в неурочное время, а возвращаюсь с охапкой зелени или корзиной ягод. Расспрашивать меня никто не стал бы, близких друзей у меня не водилось, ну а служанкам я не намерена была объяснять, что этот вот букет – действительно букет, а не основа для тайного зелья.

Я оставила Ксеносу котомку (что это за путник, если у него при себе ничего нет!) и вернулась домой. Нужно было потянуть время, и я уже знала, как это сделать.

Раз за разом отправлялся Ясон-аргонавт к дракону, снова и снова я встречала его в саду на закате и давала очередной совет, да только ничто не помогало! Не брали драконью шкуру ни меч, ни копье, а отряда он и вовсе не заметил, развернулся неудачно и ранил одного или двоих. Спасибо, огнем не дохнул, а то ведь возвращаться аргонавтам было б не на чем: просмоленные корабли отменно горят!

Ксенос тем временем окончательно оправился от ран, и это явно не было моей заслугой: пусть я умела приготовить и сонный отвар, и спасающую от огня мазь, могла зашить рану, но тут было что-то иное. У него ведь даже шрамов не осталось: белели недолго тонкие полоски, а потом пропали и они.

Он попросил позволения поохотиться в нашем лесу, и я разрешила. Уж не обеднеет царство от подстреленной лани или пары куропаток! Лука вот только не было, а я не могла унести взять какой-нибудь незаметно. Ну да я видела, как Ксенос управляется – молодого оленя он убил, метнув копье. Я смотрела издалека, но мне показалось, будто копье пронзило зверя насквозь и чуть ли не пригвоздило к дереву.

Тогда-то мне и подумалось, что Ксенос, с его-то силой и умениями, может быть опасен и для меня. Правда, со мною он всегда был смиренен и учтив, а когда я намекнула, что могла бы привести ему женщину – есть у нас такие, что за пару монет на все согласятся, а глаза ей можно и завязать, да и опоить я ее могу так, что она и не вспомнит, куда и зачем ходила... Но нет, Ксенос отказался. Сказал, глядя в сторону и, кажется, даже краснея, что не помнит, как обходиться с женщинами. На мои же слова о том, что та его и научит, снова покачал головой и ответил, что любви за деньги, да еще чужие, не желает.

Скажу прямо, порою мне казалось, будто я подобрала и прикормила дикого хищного зверя: пока что он ест у меня с руки, но что ему может прийти в голову, одни боги ведают! Я, пожалуй, сумею защититься, а кто-то другой, и впрямь случайно забредший в овраг – вряд ли.

Шли дни. Ксенос отпустил бородку – короткую, ему она была к лицу, как-то наловчился разводить бездымный костерок, и теперь мне не нужно было носить ему мясо, он сам добывал, сколько нужно, пользуясь моим разрешением. Я приносила только хлеб да сыр, воды было достаточно в ручье, водилась в нем и рыба, которую Ксенос порой ловил голыми руками развлечения ради, а в лесу уже появились ягоды. Голодать бы ему всяко не пришлось, но я видела, что он тоскует. На вопрос же мой, в чем причина, он ответил:

– Время уходит даром, а я сижу под кустом. Мне нужно хоть какое-то дело!.. Вот, видишь, царевна, я вырезал свирель, да только звук у нее получился такой, что птицы на лету падают. Видно, не к рукам у меня это ремесло.

– К рукам у тебя только меч да копье.

– Верно.

Я снова задумалась. Я не могла привести Ксеноса во дворец, даже выдав за случайного странника: один вопрос, другой, и станет ясно, что он ничего не знает о своем прошлом. Придумать ему историю? Ну так ведь мир тесен, скажешь, что он из Афин или еще откуда, непременно найдется кто-нибудь, кто бывал там, начнет расспрашивать, что да как, да живет ли еще на некой улице такой-то оружейник... Можно отмолчаться или отговориться незнанием, конечно, но у нас не любят слишком уж скрытных людей, должно быть, думают, что они что-то скрывают, а так и до мыслей о беглом преступнике рукой подать! Еще можно заявить, что Ксенос дал обет и потому не рассказывает о себе, но что за обет, в чем он состоит? Какому богу или богине дан? Почему? Слишком много деталей, слишком сложно... Разве что заявить, будто он обеспамятел после удара, в самом деле, но это лучше приберечь до времени.

Я думала долго, уже начало смеркаться, а темнеет у нас быстро. Пора было возвращаться – успею еще поразмышлять. Вот выставить бы аргонавтов, а то наскучили мне эти шумные пиры...

Отец же, казалось мне, забавляется, глядя на бесплодные попытки Ясона победить нашего дракона. Я-то знала, как это сделать, но разве станешь подсказывать чужому человеку, куда ударить старого домашнего любимца, хоть собаку, хоть дракона, чтобы убить наверняка? И тут меня осенило.

– Дай-ка твою свирель, – попросила я. Ксенос протянул мне ее, и руки наши соприкоснулись.

Это было как удар молнии. Нет, я и прежде дотрагивалась до него, когда меняла повязки, но сейчас меня почему-то охватила дрожь.

– Ты что-то вспомнил? – спросила я негромко. Ксенос смотрел на меня в упор.

– Не вспомнил, – ответил он. – Но, кажется, почувствовал. А ты, царевна?

– Мне-то о чем вспоминать, подумай сам! Но... – я прикусила губу, – я не откажусь узнать, каково быть с мужчиной. Сплетни в гинекее – это не то...

– Выходит, оба мы равно неопытны, – сказал он. – Что хорошего может из этого выйти?

– Не знаю, но кто мешает попробовать? – спросила я и скинула плащ. – Может быть, и ничего, а может...

Я не думала в ту минуту, что творю: собираюсь возлечь с неизвестным мужчиной, не человеком вовсе, если уж на то пошло. Меня будто подхватила морская волна и на гребне ее уже не было места мыслям о земном. Я, правда, успела еще подумать, что зачать не зачну, знаю я разные травы, а будущего мужа обмануть ничего не стоит с моими-то умениями... И вот после этого волна обрушилась на берег – Ксенос, похоже, вспомнил позабытое, и если бы он не закрывал мне рот поцелуями, я кричала бы на весь лес: сперва от боли, потом от наслаждения. И я была права – с его чудовищной силой он мог бы взять меня и раньше, если бы захотел, да только к крепким мускулам прилагался разум и понятие о том, что мужчине делать не пристало...

Ну а раз уж пошла на это сама, так не жалуйся! Я и не думала жаловаться, хотя у меня болело все тело после жарких объятий. Как-то я стану еще прятать синяки... Впрочем, есть у меня снадобья и от этого, к утру все пройдет. Если, конечно, я уйду отсюда до утра.

В глазах Ксеноса отражался лунный свет, пробивавшийся сквозь листву.

– Что теперь будет с нами, царевна? – тихо спросил он. В руках его было тепло и покойно. – Обо мне нет речи, я никто, даже имя дала мне ты, но что станет с тобою?

– Ничего, – ответила я, положив голову ему на плечо. От Ксеноса пахло дымом и разогретым металлом, странный и тревожный запах, но мне он нравился. – Уж поверь, со мной никто ничего не посмеет сделать, даже если дознаются. А ты... Я знаю, как поступить. Выждем еще несколько дней, герой наш вконец утомится, и тогда я помогу ему победить дракона...

– А что потом?

– Ну так ведь я не даром стану помогать ему, – улыбнулась я. – Он похитит меня вместе с золотым руном. Вернее, при дворе будут так думать, а он сочтет, что я напросилась с ним сама. Впрочем, я нравлюсь ему, и мне ничего не стоит разбудить в мужчине страсть!

В глазах Ксеноса вспыхнули опасные искры.

– Но царевна, ты же...

– Я ведь не сказала, что отдамся ему, – серьезно сказала я. – Он мне не по нраву. Вот дракону он пришелся бы в самый раз, но Ясон нужен нам, чтобы уплыть отсюда. Пешком мы далеко не уйдем, а у Ясона хороший корабль, нас вряд ли нагонят, если отчалить тайком, а если и нагонят, я придумаю что-нибудь. А ты, Ксенос, пойдешь со мной. Но не теперь, уже ночь, мне нужно во дворец. Завтра я познакомлю тебя с драконом.

– Мне убить его? – только и спросил он.

– Не вздумай! Я сказала ведь – познакомлю. Ты поможешь мне одурочить Ясона, – тут я улыбнулась. – Это не так уж сложно... А теперь пусти, мне нужно идти, не то снова придется лгать, будто я собирала что-то особенное! Пусти же...

Ушла я только под утро, по пути надергав каких-то трав, чтобы не возвращаться с пустыми руками. Все одно никто не осмелится коснуться моей добычи, равно как и не спросит, отчего подол у меня промок – и так ясно, что от утренней росы или дождя, а вовсе не от стирки в ручье.

Проснулась я только после полудня, вот как утомили меня ласки Ксеноса! Это и к лучшему, отец с гостями уже начали пировать, и некому было спросить меня, чем это я занята. А я готовила зелья, и для себя, и для Ясона, и для старого нашего стража...

– Идем, – позвала я с берега оврага. Стояла послеполуденная жара. – Не бери оружия, даже кинжал оставь. Дракон не переносит блеска металла.

– А я слышал... – Ксенос задумался. – Нет, я не слышал, просто что-то вспомнилось вдруг: драконы падки на золото.

– Да, – кивнула я. – Но... Как бы объяснить? Золото – мягкий металл, им нравится смотреть на его теплое сияние, гладить его, потому они и собирают его. Серебро красиво светится в лунном свете. А вот другие металлы им не по нраву, они холодные, они ранят. Так ясно?

Он кивнул, снял с пояса кинжал и оставил его под бузиновым кустом. Меч и копье и так были припрятаны в овраге.

Идти нужно было кругом залива, путь неблизкий, но я заранее предупредила, куда ухожу, так что меня бы не хватились: я бегала к пещере с раннего детства.

– Вот здесь, – сказала я, подходя ближе. – Стой смирно и не шевелись, сейчас я его позову...

Дракон наш уже немолод, он много лет провел в этих краях и, признаться, совершенно разленился. Нынешние герои были ему неинтересны, я сама наблюдала, спрятавшись в скалах, как он попросту развернулся задом к воинам Ясона и заснул на пригреве, а что они стучали мечами по броне, дракона вовсе не трогало. Возможно, ему даже было приятно.

Но вот увидев Ксеноса, дракон вдруг стряхнул сонную одурь и протянул чудовищную голову поближе, с силой втягивая воздух ноздрями. Ксенос, как я и велела, не шевелился.

Страж сокровища осторожно ткнул мужчину носом, и я жестом показала, что можно погладить дракона. Как я сразу не догадалась! Они с Ксеносом ведь родня, пусть и очень дальняя... Ну тем лучше!

– Знаешь, царевна, – сказал мне Ксенос, когда мы вернулись обратно, – быть может, мне показалось, но в этом звере я почувствовал что-то знакомое. Но ведь не мог я знать его раньше! Думаю, приди я к нему один или с другими воинами, он пожрал бы нас или раздавил.

– Или не заметил, как Ясона, – улыбнулась я, и решила вдруг сказать правду. – А что до дракона – так ты вырос из зуба его сородича, немудрено, что он тебя сразу признал. Меня и то не сразу подпустил!

– Объясни, – нахмурился он. – Что-то я не возьму в толк...

И я рассказала ему, кто он таков, откуда взялся и почему у него нет ни имени, ни памяти о прежних годах. Лучше было сделать это сейчас.

– Так выходит, я и не человек вовсе? – растерянно спросил Ксенос. – Я не был никогда ребенком, не знал отца и матери, а сразу появился на свет воином?

– Да, – ответила я. – Но почему ты говоришь, что ты не человек? Ты ничем не отличаешься от любого воина моего отца, от аргонавтов... А что памяти нет, так ты сам говорил – от удара по голове можно лишиться воспоминаний. И ты ведь иногда вспоминаешь кое-что... да, кое-что приятное... Продолжай же, Ксенос! Мне нет разницы, кто ты таков и откуда взялся...

* * *

– Я пойду, – сказала я. Была уже глубокая ночь. – Мне еще нужно придумать, как обвести вокруг пальца и героя, и отца, и поспать хоть немного... С тобой-то не уснешь! Но только, – я наклонилась к нему, – поклянись, что никуда не уйдешь без меня.

– Даже если бы я и захотел, то все равно не знаю, куда идти, – усмехнулся он в ответ. – Да еще и одному. Не надо клясть, царевна, я просто никуда не уйду. Я буду ждать тебя хоть целую вечность.

– Вот так-то лучше, – ответила я, он попытался удержать мою руку в своей, но я выскользнула змеей, не то не ушла бы из оврага до утра!

Дорога была знакома до последнего камушка, а к себе я обычно пробиралась через сад. Сделала так и сейчас и удивилась, когда край хитона вдруг зацепился за какой-то куст. Странно, еще утром его не было... Быть может, отец распорядился посадить? Но зачем?

В воздухе сладко пахло розами. На загадочный куст вдруг слетела откуда-то белая голубка и заворковала, вертясь на ветке. В этом не было бы ничего странного, птицы уже просыпались, вот только я почувствовала странную истому, непонятное, неприятное мне чувство: хотелось принадлежать кому-то... Кому?! И тут я поняла, чьих рук это дело, чьи это розы и голубка...

Я взглянула на небо: луна еще не скрылась.

«Владычица! – взмолилась я, изловчилась и схватила голубку. Та жалобно пискнула, но я без сожаления свернула ей шею. – Прими эту малую жертву и огради свою верную жрицу, молю...»

Луна скрылась за тучами, тяжело гроыхнуло, молния ударила чуть ли не у самых моих ног, точно в розовый куст, и я вдруг ощутила, что больше не томлюсь от непонятного чувства. Я бросила голубку наземь, на поломанные ветви и растерзанные лепестки, и подставила лицо мелкому дождю.

– Благодарю, о Геката-владычица, – сказала я одними губами. – Ты всегда была добра ко мне. Сделай милость, нашли туман, у нас уже нет времени, вовсе нет... Я притворюсь, пусть Пенорожденная думает, будто я поддаюсь ее чарам, вот только дать бы еще знать Ксеносу, что пора уходить! Сама я не успею...

Снова гроыхнуло, и откуда-то из темноты соткался чудовищный черный пес ростом мне чуть не по пояс, ткнулся холодным носом в колено и уставился умными глазами.

– Беги в овраг, – приказала я ему. – Приведи Ксеноса к дракону. Запах его разбираешь? Вот моя рука, понюхай...

Пес ухмыльнулся по-своему, по-собачьи.

– Пусть оружие возьмет. Мы уходим, – добавила я, – передай ему...

Я сдернула с руки браслет, дала псу, и он умчался, стелясь над землей.

Как он объяснит Ксеносу мой приказ, мне было все равно. Может быть, возьмет за шкуру да потащит, может, заговорит человеческим голосом, какая разница? Время бежало слишком быстро, вот что волновало меня куда больше!

Я бросилась к себе, быстро схватила самое нужное – свои травы и зелья, кое-какую одежду, а еще ларец с драгоценностями. Не враз унесешь, но я и не собиралась тащить это сама.

– Ясон! Ясон! – позвала я от двери. – Проснись!

– Ты? – поразился он, привстав на постели. – Но что...

– Тс-с-с... – прижала я палец к губам. – Идем скорее! Буди своих людей, пусть готовят корабль. Не беспокойся, стража не проснется, я околдовала их!

– Но... – Ясон лихорадочно одевался.

– Сегодня особенная ночь, о герой! Я сварила волшебное зелье и опоила им дракона. Теперь можно забрать золотое руно, – сказала я, – но только потом придется всем твоим воинам сесть на весла, чтобы уйти как можно скорее и как можно дальше, ведь отец разгневан! Поторопись!

Ясон последовал за мной: глаза его разгорелись, видно, очень он желал заполучить сокровище Колхиды! Оба сокровища, усмехнулась я и остановилась.

– Ты возьмешь меня с собою, Ясон? – спросила я, глядя на него снизу вверх.

– Да, о Медея, – ответил он пылко, но я видел, как он колебался. Должно быть, колхидская чернявая девица не так уж прельщала красавца-героя! А что уж он там говорил моему отцу, как улыбался мне – дело десятое. – Если такова твоя воля...

«Плата», – читалось по его взгляду.

Я только усмехнулась: Ясон был нужен мне только ради его корабля с сильными гребцами и прочными парусами.

– Прикажи своим людям забрать мои вещи, – сказала я. – Там много ценностей, пускай будут поосторожнее! И если я не досчитаюсь своих украшений...

– Что ты! Разве кто осмелится тронуть драгоценности моей невесты? – спросил он, явно поняв мой намек.

– Они отравлены, – улыбнулась я. – Кто коснется – умрет в муках, а противоядие есть только у меня. Иди же, зови людей, да не наделай шума!

* * *

В густом тумане «Арго» двигался почти беззвучно, только плескали волны о борт да едва слышно поскрипывали уключины: ветра не было, шли на веслах.

– Вот здесь... Я пойду вперед, – сказала я, и Ясон, спрыгнув в воду, на руках вынес меня на берег, не дав замочить ног. – Жди, я скоро вернусь.

– Но дракон...

– Не тронет меня. Я сказала ведь, что опоила его. К тому же меня он знает. Жди!

Я скрылась в тумане: путь я могла найти и вслепую, потому очень удивилась, с размаху натолкнувшись на что-то теплое и явно живое.

– Царевна? – встревоженно спросил Ксенос.

– Ты уже тут... – выдохнула я с облегчением и прижалась к его груди, к медному панцирю – он был в полном доспехе. – Слава богине, я боялась, что ты не поймешь!

– Трудно не понять, когда чудовищный пес возникает из ниоткуда, протягивает твой браслет, потом откапывает мои доспехи и приносит мне то поножи, то шлем, – усмехнулся он. – Что случилось?

– Кажется, кому-то очень нужно, чтобы Ясон получил золотое руно, и за нас взялись всерьез, – ответила я. – Когда я шла к себе, то натолкнулась на подарок от Пенорожденной, и если бы не поняла, в чем дело, уже ворковала бы на коленях у героя... Нет, нет, остановись!

Я бы не удержала Ксеноса, но он слушал меня и, что самое главное – слышал.

– Я ведь не просто царевна, – сказала я. – Не забыл? Мне ведомо колдовство, я умею варить снадобья от разных болезней... в том числе и от жизни. Сказать, кому я поклоняюсь и кто помог мне?

– Скажи, – попросил он. – Я понимаю... мне кажется, что я понимаю, но вспомнить не могу. Да мы ведь уж говорили – вспоминать мне не о чем!

Я, привстав на цыпочки, шепнула имя ему на ухо.

– Не упоминай ее лишний раз, – серьезно предупредила я, заметив в его глазах то ли тень воспоминания, то ли чего-то еще. – Я знаю многое благодаря богине перекрестков, но без дела говорить о ней не стоит. Идем скорее, пока не рассеялся туман!

– За этим? – Ксенос указал себе под ноги. Там на камнях лежало аккуратно свернутое золотое руно, предмет вождения аргонавтов.

– Как ты...

– Ты ведь, царевна, сама познакомила меня с драконом и объяснила, что мы с ним пусть дальняя, но родня, – без улыбки ответил он. – Вот я и столкнулся с ним: пока еще подойдет корабль, что толку терять время? Тем более, страж отвлекся на подарок – я принес ему славного оленя!

Я помолчала, потом достала свирель и протянула ему.

– Сыграй.

– Она кошмарно звучит.

– Неважно, в тумане звуки все равно кажутся не такими, какими должны быть на самом деле. Да и с корабля ее должны услышать.

Ксенонс пожал плечами и поднес свирель к губам. Звук у нее, признаю, действительно был ужасен, и хорошо, если туман его приглушил: усыпить такой мелодией не получилось бы даже дракона.

– Довольно, – сказала я, подняла руно и прижала к груди. – Идем.

– Царевна, – сказал он, опустив голову. – Царевна моя, я лучше останусь здесь. Проживу подле вашего дракона, он не даст меня в обиду, а пропитание я себе добуду. Иди с Ясоном. Я видел его лишь мельком, но скажу тебе – он достойный мужчина! Я никто, даже имя дала мне ты, а он – герой, и...

– Герой отпустил меня к дракону одну, – ответила я. – А ты пошел к дракону в одиночку, хоть ты и не герой... А теперь идем со мной.

Ксенос не посмел ослушаться. Да и не хотел, полагаю.

* * *

– Возьми, Ясон, – поднесла я аргонавту золотое руно. – Оно твое. И я твоя.

– Как же ты сумела... – произнес он, и тут взгляд его упал на Ксеноса, возвышающегося за моим плечом. – А это что за воин?

– Это верный мой телохранитель, – ответила я и улыбнулась как могла более загадочно. – Без него моя затея не удалась бы, пусть я и колдунья, и знаю тайные зелья, которыми можно опохмелить дракона. Посуди сам, разве я смогла бы добыть оленя? Ксенос принес его, а я пропитала мясо особым настоем, а потом усыпила дракона игрой на свирели, ты же слыхал?

Ясон кивнул. Судя по всему, туман не слишком сильно смягчил пронзительные трели.

– Ксенос отправится со мной, – твердо сказала я. – Я знаю его с детства, он друг мой.

Это было чистой правдой: я знала Ксеноса с детства – его детства, прошедшего на зали- том кровью поле и под бузиновым кустом. И он был мне больше, чем просто другом.

– Но послушай, Медея...

– Он может сесть на весла, если понадобится, – сказала я. – А что до прочего, Ясон, на корабле твоём много сильных мужчин. И я не знаю, далеко ли простирается твоя благодар- ность, пусть ты и назвал меня своей невестой. А потому без защитника мне у тебя на борту делать нечего.

– Хорошо, идем, – кивнул Ясон. – Отчалим, пока не развеялся туман...

* * *

Я стояла на корме, глядя, как растворяется вдали берег Колхиды. Мне не было грустно: здесь я всегда была чужой, здесь меня боялись... В других краях я тоже буду чужой, причем вдвойне, и я прекрасно это понимала.

Ветра не было, паруса обвисли, и как ни старались гребцы, «Арго» едва продвигался вперед.

Ксенос, снявши доспехи, ворочал весла вместе с остальными гребцами. Он был неуто- мим, и хоть и сменялся время от времени, все равно проводил на скамье больше времени, чем остальные.

– Парус позади! – крикнул дозорный, и я прищурилась. Верно, парус, знакомый до боли...

– Не уйдем, – сквозь зубы сказал Ясон. – Корабли ваши хороши, и гребцов там куда как больше.

Я уже видела: впереди шел корабль моего брата, тот стоял на носу. И он в самом деле лучше подходил для здешних вод, чем «Арго», и гребцов на нем было больше. Я сумела бы попросить о помощи мать, да только не желала: Волоокая с Пенорожденной (а кто же еще пытался очаровать меня?) могут отомстить, не поможет и Конегривый! Справлюсь сама...

– Есть ли у тебя хорошие лучники, Ясон? – спросила я.

– Как не быть, я и сам не из последних! – ответил он.

– Сумеешь ты попасть в Апсирта?

Вместо ответа он взял лук и натянул тетиву. Выбрал стрелу потяжелее, примерился... тут корабль качнуло волной, и стрела ушла левее, а на нагоняющем нас корабле зашевелились: на носу появились стрелки. На «Арго» же было не так много людей, чтобы и грести, не сбавляя хода, и отбиваться!

– Дело скверно, – произнесла я, и вдруг вспомнила... – Ясон, подмени Ксеноса! Быстрее же!

Тот подошел ко мне, усталый и взмокший. Взгляд его, однако, был остер.

– Убей вон того человека, – велела я, указав на Апсирта. – Я видела, как ты сразил копьем бегущего оленя, вряд ли это окажется сложнее. Сделай так, чтобы он упал в море. Они задержатся, чтобы подобрать тело, а мы тем временем уже уйдем далеко!

Ксенос молча кивнул, отошел и вернулся со своим копьем, взвесил его в руке...

– Жаль верное оружие? – спросила я. – Возьми у кого-нибудь еще!

– Нет, моя царевна, это мне по руке, а чужим я могу и не попасть... А сожалеть стоит разве что о жизни, но не о палке с куском бронзы, – усмехнулся он, встал ровнее, примерился и, дождавшись, когда «Арго» скользнул вниз по волне, а корабль Апсирта, наоборот, приподнялся, метнул копье.

Человек – не лань. Моего сводного брата снесло с места чудовищной силы ударом, развернуло, и он рухнул в море.

– На весла, навались! – закричал Ясон, тоже наблюдавший эту картину. – Навались!

Барабан, отбивавший ритм для гребцов, забухал чаще, «Арго» устремился вперед: то ли воины прежде не выкладывались полностью, то ли сейчас у них открылось второе дыхание, но корабль полетел, словно у него выросли крылья. А впрочем...

Я заметила тень в воде и одними губами произнесла: «Благодарю, мама!» Пусть была она не самой могущественной из океанид, но на такое ее сил хватало, особенно когда в небе сияла колесница деда моего Гелиоса – уж против него не выйдет и Волоокая! Да и зачем ей: все вышло по ее замыслу, если я поняла верно. Ясон заполучил сокровище, а царевна... да что богам какая-то царевна!

– Ушли, – выдохнул Ясон, утирая пот со лба. – Никого не видно...

Я кивнула. Брата я не любила и скорбеть о его кончине не собиралась. А пока его поднимут на борт, пока оплачут и решат, что делать, «Арго» уже и впрямь будет слишком далеко.

– Благодарю тебя, Медея, – произнес Ясон и по-хозяйски положил руку мне на талию. Я увидела, каким жутким драконьим огнем полыхнули глаза стоявшего чуть поодаль Ксеноса, и отстранилась.

– Не время сейчас, о мой герой, – произнесла я. – Вели лучше править на остров Ээй. Брат мой убит, и пусть сделали это не мы с тобой, но приказ отдала я, а ты не воспрепятствовал. Я не смогу быть с тобой, пока не совершен обряд очищения, а лучше всего справится с этим моя тетка... Прикажи сменить курс!

Он кивнул и отошел, а я взглянула на Ксеноса.

– Будь осторожен, – сказала я негромко. – Если тетушка моя предложит угощение, лучше не бери, прошу.

– Чего мне бояться? Разве что потерять тебя, моя царевна... – так же тихо ответил он. – А без тебя мне не жизнь. Зачем мне быть одному? И какая разница, что станет со мною?

Я хотела обнять его, но слишком много взглядов было устремлено на нас.

– Потерпи, – попросила я. – Потерпи. До Ээя недалеко...

До острова корабль и впрямь домчался стрелою, благо стояла ясная погода, солнце сияло, и я улыбалась деду, а мать с подругами уж точно заставляли морские воды нести «Арго», как бурный ручей несет осенний лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.